

УДК 947.1/9

DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-161-179

**Публичное вторжение в частную жизнь
(эвристическая ценность устных и письменных эго-документов
для гендерной истории)**

Н. Л. Пушкарева

Данный текст представляет собой краткое научное эссе, в котором обобщен и систематизирован значительный объем западной и отечественной литературы, посвященной источниковедению гендерной истории. В частности, рассматриваются различные виды «жизненных историй» женщин и как они интерпретируются исследователями биографий и эго-документов. Автор статьи приводит оценки ведущих ученых-специалистов в области биографики о различных жанрах «нарративов о жизни». В приведенной классификации особое место отведено рассказам о переживаниях женщин (автогинография). Приводится характеристика различных эго-документов: автобиография, мемуары, воспоминания. В статье приведены различные точки зрения исследователей о применении терминологии «письмо» и «язык» по отношению к данному виду источника; показаны отличия в использовании терминологии западной и русской научной традиции. Прослежены этапы изучения автобиографий (жизненных историй) как исторических источников в западной традиции: с XVIII века до второй половины XX века. Автор подчеркивает, что в работах известных специалистов по автобиографическому письму вопрос гендерных различий не поднимался. Лишь в конце 1970-х годов пол (гендер) определяется важной категорией анализа автобиографий. Автор статьи определяет те вопросы, на которые необходимо ответить исследователю женских эго-документов, среди которых и время написания документа, экономический, религиозный и культурный аспекты; гендерные стереотипы того времени; образовательный и культурный уровень автора и предполагаемых читателей. В заключении к статье автор указывает на необходимость определения современных источников женской памяти, как личных, так и публичных. Все это будут способствовать развитию гендерной истории и ее источниковедению.

Ключевые слова: гендерная история, эго-документы, частная жизнь, мемуары, автобиография.

Для цитирования: Пушкарёва Н. Л. Публичное вторжение в частную жизнь (эвристическая ценность устных и письменных эго-документов для гендерной истории) // Запад – Восток. 2018. № 11. С. 161–179. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-161-179

Благодарность: при поддержке РФФИ, проект 19-09-00191.

«Жизненные истории» – устные или письменные – это всегда реальность, заприимеченная, как очень точно выразился декабрист и участник битвы при Бородино Федор Глинка, «историком-самовидцем». Здесь точно само слово: не «очевидец», но «самовидец», то есть человек, видящий себя в прошедшем и настоящем, пытающийся определить свое место в нем. О человеческом в жизни ушедших поколений мы узнаем только от людей, а не от ведомств¹.

Среди них особое место занимают источники личного происхождения – эго-документы, автодокументальная проза (или: автосвидетельства)² – записки, мемуары и воспоминания, автобиографии. В одном известном сборнике, подготовленном американскими специалистами в области биографии Дж. Уатсон и С. Смит, перечислено... 52 «жанра нарративов о жизни», среди которых упомянуты как самостоятельные автотанатография (рассказ о себе смертельно больного человека), автоэтнография – нарратив о себе как представителе определенной нации (особенно распространен у евреев, армян и ряда других этносов, представители которых часто находились в изгнании)³, автопатогграфия (рассказ о себе, стигматизирующий какую-то патологию, заболевание, инвалидность), рассказ для социологического case study, устный рассказ, поэтическая автобиография, самомедитация, само-портрет письменный⁴ или живописный, свидетельские показания⁵, включая «воспитательный роман» (художественный рассказ о взрослении молодого человека или юной девушки, основанный на личном опыте автора и культурных стереотипах эпохи)⁶, апологии, рассказы

¹ Kleiber T. Die deutsche Selbstbiographie. Stuttgart, 1921. S. 342.

² Термин см.: Бондарева Л. М. Структура и функции субъекта речевой деятельности в текстах мемуарного типа: автореф. дисс... канд. филолог. наук. СПб., 1994.

³ Wong S.-L. C. Immigrant Autobiography: Some Questions of Definition and Approach // Eakin P. (ed.) American Autobiography: Retrospect and Prospect. Madison, 1992. P. 142–70; Eakin, P. J. How Our Lives Become Stories: Making Selves. Ithaca, N. Y., 1999.

⁴ Beaujour M. Poetics of the Literary Self-Portrait. Translated by Yara Milos. N. Y., 1991.

⁵ Beverley J. The Margin at the Center: On 'Testimonio' (Testimonial Narrative) // Smith S., Watson J. (eds.) De/ De/Colonizing the Subject: The Politics of Gender in Women's Autobiography. Minneapolis, 1992. P. 91–114.

⁶ Целиком на анализе воспитательных романов и близкой им литературы построено исследование: Kelly C. Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001.

о себе в выступлениях политиков во время выборов, фоторассказ о себе в сделанном своими руками фотоальбоме и так далее¹. Свое самостоятельное место в этой классификации занимает автобиография (рассказ о переживаниях женщины). Автобиографии – важнейшая совокупность источников по женской истории. Впрочем, воссоздание целостной жизни и своеобразия восприятия действительности возможно и при использовании дневников и записок, отразивших непредреженный процесс (в отличие от автобиографий, эти тексты отличаются еще неизвестной развязкой)². Историка же всегда важны и более ценны рефлексии по поводу свершившихся событий, обдуманное воссоздание собственных жизней в автобиографиях, мемуарах, воспоминаниях, исповедях.

«Притворяться в автобиографическом произведении так трудно, что – вероятно – нет ни одной автобиографии, которая бы в целом не была правдивее, чем любое другое историческое произведение»³. Именно поэтому автобиография не только часто использует сохранившиеся от описываемого времени письма и дневники – источники, содержащие наиболее откровенные, прямые, непредвзятые оценки, эксплицитно выражающие взгляды человека на момент составления нарратива. Но если в дневниках и переписке отсутствует единый тематический (сюжетный) стержень, то в мемуарах, автобиографиях и схожих с ними *ego*-документальных текстах он непременно есть.

Автобиография всегда откровенно эгоцентрична (и в этом ее отличие от мемуаров). «Я ни в кого никогда не могла заглянуть так внимательно и глубоко, как в самое себя» – писала Н. Н. Берберова в знаменитой книге воспоминаний «Курсив мой»⁴. Главной темой автобиографии является жизненный путь ее автора, рассказчика, его *Я*.

«Мемуары (воспоминания) – произведения письменности, закрепляющие в той или иной форме воспоминания авторов об их прошлом»⁵ [выделено мною – Н. П.]. Мемуары – это произведения, главной темой которых является время, но не время в его течении и последовательности, а “чистое время” (по выражению М. Пруста⁶). Время состоит из конкретных событий, явлений и фактов. Память о них конструирует мемуары, поэтому

¹ Smitn S., Watson J. 52 Genres of Life Narrative // Smitn S., Watson J. (ed.) Reading autobiography. A Guide for Interpreting Life Narratives. Minneapolis-L., 2001. P. 183–209.

² Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 2–3. С. 41.

³ Kleiber T. Die deutsche Selbstbiographie. Stuttgart, 1921. S. 349.

⁴ Цит по: Голубева И. В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы) Таганрог, 2001. С. 118.

⁵ Мемуары // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 7. С. 131.

⁶ Милевская Т. Е. Можно ли говорить о мемуарном жанре? // Русский язык. Исторические судьбы и современность. М., 2001. С. 263.

в отечественной историографии принято считать мемуарами лишь те записи, в которых отражены события, участником или очевидцем которых был их автор¹. Мемуары могут быть составной частью автобиографии. «Граница между воспоминаниями, которые освещают *отдельные*, представляющиеся особенно важными *эпизоды*, и автобиографиями, в задачу которых входит продуманное описание всей жизни, – очевидна, хотя и часто смазывается». Воспоминания могут охватывать отдельные встречи с отдельными людьми, мемуары – быть несколько шире и претендовать на историю всего «того времени»². Именно это дает основание некоторым исследователям говорить о значительных по объему мемуарах как о мемуарных эпопеях (по аналогии с романом-эпопеей)³. Мемуары – это повествование о действительно бывшем, основанное на личном опыте и собственной памяти автора⁴.

«Предыстрия» автобиографии – *исповедь*. Она потому и бывает близка ей, также отображающей становление и развитие духовной жизни человека. На это в свое время указал М. М. Бахтин⁵. Исповедальный тон часто врывается в автобиографическое повествование, самораскрытие автора мемуаров, воспоминаний или автобиографии иногда может являться одной из главных причин попадания текстов в разряд «великих» и «классических»⁶.

Перечисленные виды *ego*-документов являются основными при изучении «письма» тех или иных групп людей, живших в определенную эпоху, в том числе женщин. Термин «письмо» введен в гуманитарные науки французским культурологом Ролланом Бартом. В одной из своих ранних (1953 г.) работ он писал, что «*письмо* – это способ мыслить литературу», который «возникает на очной ставке между писателем и обществом»⁷. Из «письма», по Р. Барту, индивид заимствует весь «язык», а вместе с ним – «всю систему ценностно-смыслового отношения к действительности». Комментируя этот тезис Р. Барта, российский исследователь его творчества Г. К. Косиков развернул это ставшее классическим определение: «Письмо – это опредметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт и т. п. помещает между

¹ Мемуары // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 12. С. 343.

² Hubatsch W. Deutsche Memoiren 1945–1955. В., 1956. S. 5.

³ Елизаветина Г. Г. «Былое и думы» А. И. Герцена. М., 1984. С. 21.

⁴ Сиротина И. Л. Мемуаристика как источник осмысления менталитета русской интеллигенции: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 1995. С. 15.

⁵ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической действительности // Бахтин М. М. Работы 1920-х гг. Киев, 1994. С. 96.

⁶ «Я думаю, что великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений «исповеднического» характера...» (Блок А. А. Собр. соч. в 8 тт. М.:Л., 1962. Т. 5. С. 278).

⁷ Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика / сост., вступ. ст. и примеч. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 313.

индивидом и действительностью, понуждая его думать в определенных категориях»¹. Французские интеллектуалы, взявшие на вооружение концепцию Р. Барта (группа журнала “*Telle quelle*”), противопоставили в своих исследованиях «письмо» и «язык». «Письмо» в их исследованиях стало воплощением бессознательного (индивидуального, ищущего пути ухода от диктата) начала, а «язык» предстал системой структур, утверждающих примат дискурсивно-логического насилия, претендующего на «последнее», как бы «более правильное» объяснение мира. В этих построениях «письмо» обрело положительные коннотации².

В 1960-е годы термин «письмо» обрел новую жизнь в концепции младшего современника Р. Барта Ж. Дерриды. В своих основополагающих работах «О грамматологии» и «Письмо и различие» (1967) он попытался снять возникшее противопоставление «письма» и «языка», придя к выводу, что «письмо» предшествует «языку» и «должно рассматриваться как первоначало любой языковой деятельности»

Детализируя понятие «письма», Ж. Деррида предложил видеть в нем «значащую цепочку», сочленяющую пространство и время. Он метафорически увидел конструкцию памяти в виде восковой пластины с прикрепленной к верхнему краю листу целлулоидной бумаги. Если светить на эту бумагу соответствующим образом, на пластине возникнут – по Ж. Дерриде – *следы письма*, которые немедленно исчезнут, едва свет уберут. «Видимое обнаружение письма, чередующееся с его стиранием, соответствует вспышке и пропаданию сознания в восприятии». Поэтому «письмо не мыслимо без вытеснения», память – без забвения, расшифровка запомнившегося – без стремления понять, что заставляет наблюдателя (исследователя) включаться в процесс «освоения» текста. Такое понимание «письма» позволяет проясниться тем намерениям, которые остались (возможно) скрытыми в речи, в произнесении вслух или в написании автором (любого пола) текста мемуаров, автобиографии или дневника. Эти скрытые до поры до времени побуждения, которые существовали у автора в момент написания им текста, могут быть выявлены только в случае эмпатического вживания в его судьбу.

Интерес вызывает не только своеобразие личности автора воспоминаний, мемуаров, автобиографии, писем, но те формы его социальной коммуникации, творческого общения в самой творческой среде и за ее пределами, которые и делают человека тем, кем он стал. Эти формы социальной коммуникации меняют людей, систему их ценностей, опровергая знаменитый

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., вступ. ст. и примеч. Г. К. Косикова. М., 1989. С. 15.

² Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург, 2001. С. 344–345.

постулат эпохи Возрождения о том, что «сущность человека неизменна». М. Фуко с его теоретическим обоснованием этой изменчивости, «отдаленности» ценностей людей не только разных столетий, но даже разьединенных всего несколькими десятилетиями¹, лишь поставил точку в этом старом споре – *те же люди жили до нас или совсем другие*. Тех людей, что описывали свои жизни, и пытаются понять историки – расшифровка их ценностей требует понимания тех культурно-исторических условий, которые для нас, современных, чужды.

С другой стороны, постструктуралистские подходы в изучении автобиографий задают иной параметр их видения – через призму конструирования собственного «я». Такой подход задает, например, Филипп Лежён², одна из работ которого именуется «Я это Другой»³ (выражение взято им из одноименного стихотворения из А. Рэмбо).

В русской научной традиции используется обычно термин *мемуарно-автобиографическая литература (проза)*, а не *автобиография*, западные исследователи предпочитают термин *autobiography*, *автодокументальные источники* или *эго-документы*.

В западной литературе утвердилось мнение, что мемуары и воспоминания, равно как автобиографии (то есть связные «жизненные истории»), родились из религиозной традиции исповеди⁴. Однако автобиографические записи, как мы знаем, сохранились от куда более раннего времени, куда более раннего, чем состоялось решение Латранского конгресса (1215 г.) и христианин стал «человеком признающимся»⁵. Однако трудно не признать самой связи между желанием признаваться о чем-то высшим силам и говорить о себе «для других». Нужно, вероятно, согласиться с Г. Гюсдорфом в том, что один из первых очевидных «взрывов автобиографизма» можно обнаружить в протестантской традиции XVII века, в протестантских практиках саморефлексии (в то время как требованием практик высокого католицизма были не *саморефлексии*, а общение со священником, а через него – Богом).

По словам одного из специалистов по истории автодокументального письма, чьи работы теперь уже стали классическими для исследователей,

¹ Foucault M. The Order of Things. An Archaeology of the Human Sciences. L., 1970.

² Lejeune Ph. L'autobiographie en France. P., 1998; Lejeune Ph. Genèse du "Je". Manuscrits et autobiographie. P., 2000; Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. P., 1975.

³ Lejeune Ph. Je est une autre: autre: l'autobiographie de la littérature aux médias. Paris: Editions du Seuil 1980.

⁴ Baisnée V. Gendered Resistance The Autobiographies of Simone de Beauvoir, Maya Angelou, Janet Frame and Marguerite Duras. Amsterdam-Atlanta, 1997. P. 5.

⁵ См.: Линдгрэн С.-О. Мишель Фуко и теория истины // Монсон П. (отв. ред.) Указ. соч. С. 345–374.

«автобиографические записи стали возможными лишь при определенных историко-культурных условиях»: когда возник интерес индивида к самому себе, что «сродни революции, совершенной Коперником в астрономии». Такой интерес исчисляется «всего лишь» несколькими столетиями и касается небольшой части культур и народов на карте мира. Внимание к единичному, к индивидуальной жизни – продукт особого пути развития цивилизации¹ – причем, как выделось тогда, именно западной цивилизации. Вероятно, именно такое – возвеличивающее – отношение к западной культуре и заставляет современных специалистов, анализирующих жизненные истории, начинать их историю именно с XVIII столетия, «открывшего индивидуальность»², и именно с Ж. Вико³ или, что еще чаще, Ж.-Ж. Руссо.

Интерес к жизненным историям отдельных людей начал складываться в мировой науке в рамках простого интереса к своеобразию индивидуальных судеб. В известном смысле можно даже сказать, что они стары как мир. Вначале исследователей интересовали жизни прежде всего «замечательных» личностей, резонанс досуга и профессии, бытового и духовного, повседневного (общего) и экстраординарного. Термин «автобиография» ввел между 1796 и 1799 гг. тюрингенский философ Гердер⁴. В конце XIX в. в немецкой науке уже существовало различие между автобиографией (как историей внутреннего развития личности) и мемуарами (описанием памятных фактов в жизни личности, историей внешней стороны деятельности индивида как социального актора). «Автобиография – это осмысление человеком своего жизненного пути, получившее литературную форму выражения» – такой подход к автобиографическим текстам дал В. Дильтей на рубеже XIX и XX столетий⁵.

Процитированное выше мнение о значимости изучения жизненных историй, было – в известной мере – сформулировано задолго до него – немецкими учеными. «Первая волна» исследовательского интереса к автобиографическому связана с именем крупнейшего немецкого философа и культуролога В. Дильтея. Именно он призвал обратить внимание на все

¹ GUSDORF G. *Conditions and Limits of Autobiography* (1956). Translated by James Olney // Olney J. (ed.) *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton, 1980. P. 29–31.

² MAY G. *Autobiography and the Eighteenth Century* // MARTZ L. L., WILLIAMS A. (eds.) *The Author in His Work: Essays on a Problem in Criticism*. New Haven-Yale, 1978. P. 319–335.

³ «Автобиография Жанбагисты Вико», написанная между 1725 и 1731 гг., излагала историю взросления и обучения этого философа и историка. Мемуары Ж.-Ж. Руссо были написаны позже. Подробнее см.: SPRINKER M. *Fictions of the Self: The End of Autobiography* // Olney J. (ed.) *Autobiography*. P. 59.

⁴ Хубач В. Биография и автобиография: проблема источника и изложения. М., 1970. 4.

⁵ Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–152.

виды автобиографических текстов¹: в автобиографиях он видел прежде всего то, что связано с биографическим, то есть в слове «автобиография» главный упор поначалу делался на срединном слоге (автобиографии рассматривались лишь как субкатегория биографий).

Призыв В. Дильтея был услышан его зятем и бывшим студентом – Георгом Мишем, написавшем знаменитую ныне «Историю автобиографии»², и его соотечественницей Анной Робсон Бёрр³, создательницей труда «Автобиография: критические и сравнительные исследования». Однако в то время, в начале – первой трети XX в. изучение «автобиографического» было жестко подчинено исследованию «биографического», а сами автобиографии (мемуары, исповеди, другие его-документы) считались лишь вспомогательным «суб-жанром» в биографическом методе. Тем не менее письма, дневники, путевые записки и автобиографии стали чаще использоваться при написании исторических текстов – но главным образом для того чтобы лучше понять ключевые культурные и политические фигуры. Причем историки нередко позволяли себе оценивать поступки изучаемых ими людей, «подобно моралистам, оценивать поведение и правдивость изложенного, как будто исследователь был рядом»⁴. Именно Г. Мишу мировая историография автобиографии обязана постановкой вопроса о «правдивости» (или «лжи») в автобиографическом нарративе, а также о том, что автобиографии писались и пишутся, а потому и связаны с «выдающимися людьми». Именно Г. Миш назвал автобиографии *a priori* реалистическим литературным жанром.

Но должно было пройти полвека, чтобы труд Г. Миша был замечен и достойно оценен. Лишь в 1940-е гг. он был переведен на английский язык, и это дало ему вторую жизнь. В течение же почти четверти века интерес к автобиографиям – как в истории, так и в философии и литературоведении – был очень ограниченным. Правда, в 30-е годы немецкий педагог Курт Улиг – один из инициаторов использования биографического метода в педагогике – призвал шире использовать автобиографические материалы для изучения своеобразия детства как особого этапа жизни человека⁵, но до историков этот его призыв не дошел.

¹ Дильтей В. Описательная психология. (1894). СПб., 1996. С. 160 (глава «Изучение различий душевной жизни. Индивид»). Именно в этой главе В. Дильтей размышляет о том, насколько «различия пола являются последствиями воспитания и насколько они являются непреодолимо данными предрасположениями»). См. также: Dilthey W. Pattern and Meaning in History // Rickman H. P. (ed.) W. Dilthey's Thoughts on History and Society. N. Y. 1960.

² Misch G. History of Autobiography in Antiquity. N. Y., 1946. (1 ed. – Leipzig und Berlin. 1907).

³ Anna Robeson Burr. The Autobiography: A Critical and Comparative Study. Boston and New-York. 1909.

⁴ Smith A. Poetics of Women's Autobiography: Marginality and the Fictions of Self-Representation. Bloomington (Ind.), 1987. P. 5.

⁵ Uhlig K. Die Autobiographie als erziehungswissenschaftliche Quelle. Hamburg, 1936.

«Вторая волна» исследовательского интереса к автобиографиям приписывается рядом исследователей к середине 1950-х годов. Именно тогда (в 1956 году) была впервые опубликована статья Жоржа Гюсдорфа «Условия и границы автобиографии», в которой автор называет автобиографию плодом западной и христианской культуры. Концепция Гюсдорфа и его интерпретация жанра фактически стали рассматриваться как некий канон «настоящей» (западной) автобиографии. Гюсдорф считал, что автобиография появляется там и тогда, где и когда возникает самосознание личности, ощущение ею ценности собственной индивидуальности и личного опыта. Автобиография как жанр – один из способов самопознания, так как она заново творит и интерпретирует жизнь, подводя ее итоги. Потому-то Гюсдорф и считал, что литературное значение автобиографического текста – вторично, «автобиография – не жанр, но практика» самопознания самого себя, «даже если это самопознание так и не увенчается успехом». При этом как исторический источник автобиография не объективна, так как она – не более, чем самооправдание, апология «Я». «Эта осознанная осведомленность о единичности каждой индивидуальной жизни – поздний продукт специфической цивилизации»¹. За этой статьей Гюсдорфа, сыгравшей важную роль в развитии нового этапа изучения автодокументальных жанров, последовал целый ряд теоретических и историко-литературных статей и монографий, написанных им самим и его продолжателями. Обобщающий труд Г. Гюсдорфа – «Линия жизни: письмо самого себя»².

В Германии ренессансу автобиографического метода в педагогике в 1960-е годы положили начало Э. Хоффман³ и Ю. Хеннингсен. Ю. Хеннингсен писал, в частности, что «педагогика исследует автобиографии, так как они отсылают исследователя к индивидуальным историям обучения. Под обучением подразумевается не только и уж во всяком случае не в первую очередь учеба в школе. История обучения – вся жизнь человека»⁴. Современные западные работы в области педагогики, использующие биографический и автобиографический материал, многочисленны и разнообразны. Публикации подобного типа, отсылающие читателя к живому материалу повседневности той или иной эпохи, по убеждению их авторов, могут дать больше для воссоздания сложных и вполне конкретных путей социализации индивида, чем работы, описывающие лишь саму систему образования. Не система образования, так, как она отражена в законодательных и нормативных документах, а живой человек в тисках этой системы –

¹ Gusdorf G. Conditions et limites de l'autobiographie // Auto-bio-graphie. Paris. Odile Jacob. 1991.

² Gusdorf G. Lignes de vie I: les Ventures du mot. Paris: Editions Odile Jacob 1991.

³ Hoffman E. Kindheitsrinnerungen als Quelle paedagogischer Kinderkunde. Heidelberg, 1960.

⁴ Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. М., 2000. С. 7; Hoffman E. Kindheitsrinnerungen als Quelle paedagogischer Kinderkunde. Heidelberg, 1960.

вот что становится приоритетным объектом современного педагогического исследования на основе автобиографий детства.

В начале 1970-х годов интерес к «историям о себе» продолжал на Западе стремительно расти. Прежде всего он охватил литературоведов, включившихся в спор о том, сильно или нет отличается автобиография от иных литературных жанров. Точки зрения бывали полярными: от признания метафоричности описания своего прошлого и современной реальности в автобиографиях, которой якобы не найти в иных жанрах (Ж. Старобински), до утверждения, что автобиографическое чаще всего неразлично среди иных литературных жанров (Ст. Шапиро)¹. Чтобы разобраться, что же отличает автобиографический жанр XX столетия от предшествующих веков, Ф. Харт предпринял анализ множества текстов, проявив значимость соединения с литературоведением психологических методов анализа нарративов².

Перенос центра тяжести в исследованиях жизненных историй, написанных самими прожившими эти жизни, был связан с появлением в 1970-е гг. классических работ французского литературоведа и культуролога Ф. Лежена³, введшего в изучение автобиографий термин «автобиографический контракт», то есть «договор» с читателем. Именно он – со свойственной структуралистскому мышлению четкостью – попытался определить объем и границы того типа литературных текстов, которые он называет *littérature intime*, включая в него, наряду с автобиографией, мемуары, дневники, автопортреты, эссе и тому подобное. Ф. Лежен доказал «мужество самого автобиографического акта» (готовности позволить публичное вторжение в свою частную жизнь), дал дефиницию различного рода автобиографическим текстам, считая своей исходной позицией «ситуацию читателя»; именно он первым обратил внимание на «установки» чтения и своеобразные «контракты» между автором-писателем и читателем.

Давая определение автобиографии, Лежен предположил, что она содержит элементы четырех различных категорий: (1) лингвистическая форма (это нарратив; проза); (2) предмет рассмотрения (индивидуальная жизнь, личная, персональная история); (3) автор (имя обозначает реальную личность) и совпадающий с ним (4) нарратор (ориентированный ретроспективно). Дневники, автобиографические портреты и многое другое по этой систематизации

¹ Starobinski J. *The Style of Autobiography* // Chatman S. (Ed.). *Literary Style: A Symposium*. N. Y. – Oxford, 1971; Shapiro S. A. *The Dark Continent of Literature: Autobiography* // *Comparative Literature Studies*. 1968. Т. 5. P. 421–454.

² Hart Fr. R. *Notes for an Anatomy of Modern Autobiography* // *New Literary History*. 1970. V. 1 (Spring). P. 486–511.

³ Lejeune P. *L'Autobiographie en France*. Paris, 1971; idem. *Lire Leiris, autobiographie et langage*. Paris, 1975; idem. *Le pacte autobiographique*. P., 1975. (Trans.: Lejeune P. *The autobiographical contract* // Todorov T. (ed.) *French literary theory today. A reader*. N. Y., 1988).

не попали в понятие «автобиография», но попали в группу *littérature intime*¹. С точки зрения Ф. Лежена, автобиография – это «субъективная прозаическая оценка прошлого, сделанная отдельной личностью, на основании пережитого ею опыта»²; предметом автобиографии – с его точки зрения – всегда будет по преимуществу индивидуальная жизнь автора, но «допускается описание событий, социальная и политическая история» («Это вопрос пропорций или, скорее иерархий, здесь имеют место естественные переходы к другим жанрам *littérature intime*,... и для классификатора остается возможность проявить известную широту взглядов в обсуждении отдельных случаев»). Именно идентичность (а не сходство) автора (как реального лица, чье имя собственное стоит на обложке книги) и нарратора отличает, по убеждению этого исследователя, жанры *littérature intime* от художественной прозы и биографии; в этом суть «автобиографического пакта» (контракта, договора) между читателем и текстом, который требует особых «кодов» чтения, других, чем в случае художественной литературы или биографии.

Тема «авторского» и «личного» в самоописании стала после выхода работ Ф. Лежена одной из популярнейших³, однако мужчины-исследователи удивительным образом не могли заметить в то время гендерных различий рассматриваемых ими текстов; вся женская литература, созданная к тому времени, в традиционном классическом литературном каноне (созданном, конечно же, мужчинами) рассматривалась как «единый автобиографический акт», поскольку женщины «ни о чем другом, кроме собственной жизни, писать не могут»⁴.

Результаты ранних исследований автотекстов собрал и резюмировал Уильям Спинджмэнн в своей книге «Формы автобиографии»⁵, где в специальной библиографической главе он дает подробный обзор истории изучения автодокументальных жанров до 80-х годов XX века в четырех следующих разделах: становление автобиографии как предмета научного исследования, современный критический интерес и проблема дефиниции, автобиография как источник информации, автобиография как литературная форма. Именно в рассматриваемое время, в 1980-е гг. изучение автобиографического начинает сдвигаться от «bio» к «auto». Речь идет о работах уже не только Филиппа Лежена, но и Роя Паскаля⁶, Элизабет Брасс⁷, Жана Старобински⁸.

¹ Lejeune P. The autobiographical contract... P. 193.

² Lejeune P. Le pacte autobiographique. P. 14.

³ Sturrock J. The New Model Autobiographer // *New Literary History*. 1977. V. 9 (Autumn). P. 51–63; Weintraub K. J. *The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography*. Chicago, 1978.

⁴ См. подробнее об этом: Baisnée V. *Gendered Resistance The Autobiographies of Simone de Beauvoir, Maya Angelou, Janet Frame and Marguerite Duras*. Amsterdam-Atlanta, 1997.

⁵ Spengemann W. *The Forms of Autobiography*. New Haven, 1980.

⁶ Pascal R. *Design and Truth in Autobiography*. NY-L., 1985.

⁷ Bruss E. *Autobiographical Acts*. Baltimore. L., 1976.

⁸ Starobinski J. *The Style of Autobiography*. Princeton University Press. 1980.

Репрезентативными можно считать несколько сборников, изданных Джеймсом Олни в 1980-е годы¹. В одном из них – статьей М. Мейсон – было положено начало выделению особенностей женского автобиографического нарратива². Именно Дж. Олни – совместно с Б. Шер – начал в 1985 г. систематически издавать информационный бюллетень «А/Б: Авто/биографические исследования» (в 1996 г. специальный его выпуск был посвящен русским автобиографиям, в том числе женским)³. Если попытаться суммировать основные идеи, которые развивались в исследованиях по интересующему нас предмету в 60–70-е годы, то можно выделить несколько основных вопросов, оказавшихся в центре обсуждения или полемики. Среди них, например, вопрос о том, относится ли автобиография (мемуарно-автобиографическая литература, автодокументальные жанры) к художественной (*fiction*) или документальной (*nonfiction*) литературе, или – в другой формулировке – каково соотношение документальности (фактичности) и вымысла в такого рода текстах. Об этом, в частности, размышлял В. Л. Ховарт еще в 1974 году⁴.

Элизабет Брюс, в отличие от Лежена, предпочитает говорить не об «автобиографическом договоре», а об «автобиографическом событии». Автобиограф выполняет двоякую роль, он присутствует в создании субъекта текста и в создании структуры, которую представляет текст; берет на себя ответственность собственного моделирования и организации текста. Далее предполагается, что индивид, который обнаруживается в организации текста, идентичен индивиду, о котором сообщается посредством текста; существование этого индивида, независимо от текста, должно быть доступно публичному освидетельствованию. Рассказанные события в автобиографии рассматриваются «как будто они произошли на самом деле», «как будто они правдоподобны или должны быть правдоподобными», несмотря на то, связаны ли они с событиями из частной жизни или с событиями, подходящими для показа публике; от публики ожидается, что она может поверить и проверить истинность событий. Сила автобиографического текста базируется на авторской готовности

¹ Olney J. (ed.) *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton (New Jersey), 1980; Idem. *Autobiography and the Cultural Moment*. Princeton University Press. 1980; Olney J. *Some Versions of Memory. Some Versions of Bios*. Princeton University Press. 1988.

² Mason M. G. *The Other Voice: Autobiographies of Women Writers* // Olney J. (ed.) *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton (New Jersey), 1980. P. 207–236.

³ См. в особенности: Pratt S. *Angels in the Stalinist House: Nadezhda Madelstam, Lidia Chukovskaia, Lidia Ginzburg, and Russian Women's Autobiography* // Balina M. (ed.) *Rethinking Russian Autobiography [A/b: Auto/Biography Studies. V. 11(2). 1996]* P. 68–87.

⁴ Howarth W. L. *Some Principles of Autobiography* // *New Literary History*. 1974. V. 5. P. 363–381. Переопубликовано еще раз в сб.: Olney J. (ed.) *Autobiography: Essays Theoretical and Critical...* P. 84–115.

удовлетворить все перечисленные требования и на доверии, которое оказывает ему публика»¹.

Заметим, что, несмотря на различие терминов, Брюс, как и Лежен, ведет речь о том, что автобиография как жанр возникает в поле определенного «договора» между писателем и читателем, особой установки чтения и интерпретации, которую создает посредством особых усилий субъект (он же протагонист) письма.

Подводя итоги столь краткому обзору изучения автобиографий, заметим, что подъем интереса к женскому автобиографическому письму был следствием разочарования нового поколения ученых в исследовательских приемах и самом каноне оценки традиционного автобиографического критицизма. В работах известнейших специалистов по автобиографическому письму вопрос гендерных различий не поднимался. И если в своей первой книге – «Автобиография во Франции» Ф. Лежён упомянул хотя бы тексты Жорж Санд, Даниэль Стерн и Симоны де Бовуар², то в последующих своих текстах, ставших буквально классическими: «Автобиографический пакт»³ и «Я – другой»⁴ – уже даже и женские тексты не использовались.

Чуть позже в исследовании Ж. Мэя «Автобиографии» пол (гендер) именовался уже важной и релевантной для анализа автобиографий категорией, даже приравнивался по значимости к таким категориям, как *профессия, темперамент, религия, социальная и экономическая ситуация*, однако сам автор не показал, каким же образом категория половой принадлежности может «работать»⁵. Задачи, возникающие при чтении «жизненных историй», включают в себя тему авторства и тему исторического момента, контекста. Они ставят перед исследователем массу вопросов... Перечислим, как гендерные историки отвечают лишь на часть из них.

Что значило быть автором (рассказчицей или рассказчиком) в тот исторический момент, когда была записана жизненная история, были ли какие-то препятствия для ее изложения? Как воздействовали религиозные, юридические, политические, культурные институты на то, что оказалось записанным (и для рассказчицы, и для исследовательницы)? Мешали или помогали ей в ее действиях гендерные стереотипы? Что толкнуло к записыванию и обнародованию пережитого? Можно ли выяснить, как повлияла публикация данной жизненной истории (если рассказ был обнародован)

¹ Bruss, Elizabeth W.: *Autobiographical Acts: The Changing Situation of a Literary Genre*. Baltimore; London, 1976. P. 10–11.

² Lejeune P. *L'autobiographie en France*. P., 1971.

³ Lejeune P. *Le pacte autobiographique*. P., 1975.

⁴ Lejeune P. *Je est un autre*. P., 1980.

⁵ May G. *L'autobiographie*. P., 1979. P. 28.

на историко-культурный контекст, можно ли выяснить реакции на него (а сейчас встает вопрос о социальных сетях, Интернете)? Какова была читательская аудитория, для которой женщина или мужчина писали свой текст? Немаловажен и вопрос об образовательном и культурном уровне автора воспоминаний и их читательниц и читателей. Для кого вообще они старались, рассказывали о себе (вопрос об адресате автобиографического пафоса)? Цитировались ли какие-то ее отрывки устно, в пересказах?

Список вопросов к жизненным историям женщин может быть умножен... В связи с особой значимостью для женщин темы возраста, первым может считаться вопрос о понимании авторшей ее жизненного цикла, этапов ее жизни и судьбы. И в мужских, и в женских текстах встает вопрос о соотношении индивидуального и коллективного. Каким предстает нам женский голос, какой он – «голос нарраторши»: защищающийся, ироничный, романтический, самокритичный, нарушающий предписания, самодостаточный?

Приступая к изучению недавнего исторического прошлого и почти современной гендерной истории, стоит специально изучить, каковы современные источники женской памяти: как частные (фотоальбомы, дневники, генеалогии, семейные рассказы), так и публичные (документы, исторические события, общественные ритуалы и праздники). Были ли травмы на жизненном пути нарраторши и можно ли данный текст или рассказ рассматривать как скриптитерапию? Важным остается и вопрос об авторитетах, существуют ли они для нарраторши: личные и внеличные (религиозные, социально-идологические). Так исследователь приходит к характеристике социального опыта респонденток и авторш воспоминаний и может дать характеристику степени его гендеризированности.

Понятно, что в коротком научном эссе трудно дать нечто большее, нежели просто «штрихи к портрету» современного исследователя биографий и его-документов. Данный текст лишь скупко обобщил сделанное классиками, позволил пунктирно обозначить некоторые подходы к очень важным темам, обеспечивающим развитие гендерной истории и ее источниковедение. Но именно эти обобщения могут послужить стимулом для более широкой дискуссии и внести в нее свой вклад.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., вступ. ст. и примеч. Г. К. Косикова. М., 1989.
2. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика / сост., вступ. ст. и примеч. Ю. С. Степанова. М., 1983.
3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической действительности // Бахтин М. М. Работы 1920-х гг. Киев, 1994.

4. Голубева И. В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы) Таганрог, 2001.
5. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–152.
6. Елизаветина Г. Г. «Былое и думы» А. И. Герцена. М., 1984.
7. Милевская Т. Е. Можно ли говорить о мемуарном жанре? // Русский язык. Исторические судьбы и современность. М., 2001.
8. Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург, 2001. 585 с.
9. Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 2–3.
10. Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. М., 2000.
11. Хубач В. Биография и автобиография: проблема источника и изложения. М., 1970.
12. Anna Robeson Burr. *The Autobiography: A Critical and Comparative Study*. Boston and New-York. 1909.
13. Baisnée V. *Gendered Resistance The Autobiographies of Simone de Beauvoir, Maya Angelou, Janet Frame and Marguerite Duras*. Amsterdam-Atlanta, 1997.
14. Baisnée V. *Gendered Resistance The Autobiographies of Simone de Beauvoir, Maya Angelou, Janet Frame and Marguerite Duras*. Amsterdam-Atlanta, 1997.
15. Beaujour M. *Poetics of the Literary Self-Portrait*. Translated by Yara Milos. N. Y., 1991.
16. Beverley J. *The Margin at the Center: On 'Testimonio' (Testimonial Narrative)* // Smith S., Watson J. (eds.) *De/ De/Colonizing the Subject: The Politics of Gender in Women's Autobiography*. Minneapolis, 1992. P. 91–114.
17. Bruss E. *Autobiographical Acts*. Baltimore. L., 1976.
18. Bruss, Elizabeth W.: *Autobiographical Acts: The Changing Situation of a Literary Genre*. Baltimore; London, 1976. P. 10–11.
19. Dilthey W. *Pattern and Meaning in History* // Rickman H. P. (ed.) *W. Dilthey's Thoughts on History and Society*. N. Y. 1960.
20. Eakin, P. J. *How Our Lives Become Stories: Making Selves*. Ithaca, N. Y., 1999.
21. Foucault M. *The Order of Things. An Archaeology of the Human Sciences*. L., 1970.
22. Gusdorf G. *Conditions and Limits of Autobiography (1956)*. Translated by James Olney // Olney J. (ed.) *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton, 1980. P. 29–31.
23. Gusdorf G. *Conditions et limites de l'autobiographie* // *Auto-bio-graphie*. Paris. Odile Jacob. 1991.
24. Gusdorf G. *Lignes de vie I: les Ventures du mot*. Paris: Editions Odile Jacob 1991.
25. Hart Fr. R. *Notes for an Anatomy of Modern Autobiography* // *New Literary History*. 1970. V. 1 (Spring). P. 486–511.
26. Hoffman E. *Kindheitsrinnerungen als Quelle paedagogischer Kinderkunde*. Heidelberg, 1960.
27. Howarth W. L. *Some Principles of Autobiography* // *New Literary History*. 1974. V. 5. P. 363–381.
28. Hubatsch W. *Deutsche Memoiren 1945–1955*. B., 1956.
29. Kelly C. *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford, 2001.
30. Kleiber T. *Die deutsche Selbstbiographie*. Stuugart, 1921.
31. Lejeune P. *L'autobiographic en France*. P., 1971.
32. Lejeune P. *L'Autobiographie en France*. Paris, 1971.
33. Lejeune P. *Le pacte autobiographique*. P., 1975.
34. Lejeune Ph. *Genèse du "Je"*. Manuscrits et autobiographie. P., 2000.

35. Lejeune Ph. Je est une autre: autre: l'autobiographic de la litterature aux medias. Paris: Editions du Seuil, 1980.
36. Lejeune Ph. L'autobiographie en France. P., 1998.
37. Mason M. G. The Other Voice: Autobiographies of Women Writers // Olney J. (ed.) *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton (New Jersey), 1980. P. 207–236.
38. May G. *Autobiography and the Eighteenth Century* // Martz L. L., Williams A. (eds.) *The Author in His Work: Essays on a Problem in Criticism*. New Haven-Yale, 1978. P. 319–335.
39. May G. *L'autobiographie*. P., 1979.
40. Misch G. *History of Autobiography in Antiquity*. N. Y., 1946. (1 ed. – Leipzig und Berlin. 1907).
41. Olney J. (ed.) *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton (New Jersey), 1980.
42. Pascal R. *Design and Truth in Autobiography*. NY-L., 1985.
43. Pratt S. *Angels in the Stalinist House: Nadezhda Madelstam, Lidiia Chukovskaia, Lidiia Ginzburg, and Russian Women's Autobiography* // Balina M. (ed.) *Rethinking Russian Autobiography* [A/b: Auto/Biography Studies. V. 11(2)]. 1996. P. 68–87.
44. Shapiro S. A. *The Dark Continent of Literature: Autobiography* // *Comparative Literature Studies*. 1968. T. 5. P. 421–454.
45. Smith A. *Poetics of Women's Autobiography: Marginality and the Fictions of Self-Representation*. Bloomington (Ind.), 1987.
46. Smitn S., Watson J. *52 Genres of Life Narrative* // Smitn S., Watson J. (ed.) *Reading autobiography. A Guide for Interpreting Life Narratives*. Minneapolis-L., 2001. P. 183–209.
47. Spengemann W. *The Forms of Autobiography*. New Haven, 1980.
48. Sprinker M. *Fictions of the Self: The End of Autobiography* // Olney J. (ed.) *Autobiography*.
49. Starobinski J. *The Stile of Autobiography*. Princeton University Press. 1980.
50. Starobinski J. *The Style of Autobiography* // Chatman S. (Ed.). *Literary Style: A Symposium*. N. Y. – Oxford, 1971.
51. Sturrock J. *The New Model Autobiographer* // *New Literary History*. 1977. V. 9 (Autumn). P. 51–63.
52. Uhlig K. *Die Autobiographie als erziehungswissenschaftliche Quelle*. Hamburg, 1936.
53. Weintraub K. J. *The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography*. Chicago, 1978.
54. Wong S.-L. C. *Immigrant Autobiography: Some Questions of Definition and Approach* // Eakin P. (ed.) *American Autobiography: Retrospect and Prospect*. Madison, 1992. P. 142–70.

Статья поступила в редакцию 24.09.2018 г.; принята к публикации 10.10.2018 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Об авторе

Пушкарёва Наталья Львовна

доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, pushkarev@mail.ru

N. L. Pushkareva

**Public invasion of privacy
(heuristic value of oral and written ego-documents for gender history)**

This article is a brief scientific essay, summarizing and systematizing a significant amount of Western and Russian literature on the source studies of gender history. In particular, various types of women's "life stories" and how they are interpreted by researchers of biographies and ego documents are considered. The author of the article gives estimates of the leading scientists-experts in the field of biographies on various genres of "narratives about life". In the given classification, a special place is occupied by stories about women's experiences (autoginography). The characteristic of various ego documents is given: autobiography, memoirs, reminiscence. The article presents the researchers' different points of view on the use of the terms "writing" and "language" in relation to this type of source; the differences in the use of terminology of Western and Russian scientific traditions are shown. The author traces the stages of studying autobiographies (life stories) as historical sources in the Western tradition: from the XVIII century to the second half of the XX century. The author emphasizes that in the works of well-known specialists in autobiographical writing, the issue of gender differences was not raised. It was only in the late 1970s that gender was defined as an important category of autobiography analysis. The author of the article defines the questions to be answered by the researcher of women's ego documents, including the time of writing, economic, religious and cultural aspects; gender stereotypes of the time; educational and cultural level of the author and prospective readers. In conclusion, the author points to the need to identify modern sources of women's memory, both personal and public. All this will contribute to the development of gender history and its source studies.

Citation for an article: *Pushkareva N. L. Public invasion of privacy (heuristic value of oral and written ego-documents for gender history). West – East. 2018, no. 11, pp. 161–179. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-161-179*

Acknowledgements: prepared with the support of RFBR, project no.19-09-00191.

References

1. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics] comp. by G.K. Kosikova, Moscow, 1989.
2. Bart R. *Nulevaya stepen' pis'ma. [Zero degree of writing]. Semiotika = Semiotics*, comp. by Yu. S. Stepanova, Moscow, 1983.
3. Bakhtin M. M. *Avtor i geroi v esteticheskoi deistvitel'nosti* [Author and hero in aesthetic reality]. *Bakhtin M. M. Raboty 1920-kh gg = Bakhtin M. M. Works of the 1920s*, Kiev, 1994.
4. Golubeva I. V. *Opyt sozdaniya kollektivnogo rechevogo portreta (na materiale ekspressivnogo sintaksisa memuarnoi prozy)* [The experience of creating a collective speech portrait (based on the expressive syntax of memoir prose)]. Taganrog, 2001.
5. Dilthey W. *Nabroski k kritike istoricheskogo razuma* [An outline of the critique of the historical mind]. *Voprosy filosofii = Question of philosophy*, 1988, no.4, pp. 135–152.

6. Elizavetina G. G. «Byloe i dumy» A. I. Gertsena ["Past and thoughts" by A. I. Herzen]. Moscow, 1984.
7. Milevskaya T. E. *Mozhno li govorit' o memuarom zhanre?* [Is it possible to talk about the memoir genre?]. *Russkii yazyk. Istoricheskie sud'by i sovremennost'* = Russian language. Historical fate and modernity, Moscow, 2001.
8. Sozina E. K. *Soznanie i pis'mo v russkoi literature* [Consciousness and writing in Russian literature]. Yekaterinburg, 2001, 585 p.
9. Tartakovskiy A. G. *Memuaristika kak fenomen kul'tury* [Memoiristics as a cultural phenomenon]. *Voprosy literatury* = Questions of Literature, 1999, no. 2–3.
10. Henningsen J. *Avtobiografiya i pedagogika* [Autobiography and pedagogy]. Moscow, 2000.
11. Hubatsch W. *Biografiya i avtobiografiya: problema istochnika i izlozheniya* [Biography and autobiography: the problem of source and presentation]. Moscow, 1970.
12. Anna Robeson Burr. *The Autobiography: A Critical and Comparative Study*. Boston and New-York. 1909.
13. Baisnée V. *Gendered Resistance The Autobiographies of Simone de Beauvoir, Maya Angelou, Janet Frame and Marguerite Duras*. Amsterdam-Atlanta, 1997.
14. Baisnée V. *Gendered Resistance The Autobiographies of Simone de Beauvoir, Maya Angelou, Janet Frame and Marguerite Duras*. Amsterdam-Atlanta, 1997.
15. Beaujour M. *Poetics of the Literary Self-Portrait*. Translated by Yara Milos. N. Y., 1991.
16. Beverley J. *The Margin at the Center: On 'Testimonio' (Testimonial Narrative)*. *Smith S., Watson J. (eds.) De/ De/Colonizing the Subject: The Politics of Gender in Women's Autobiography*. Minneapolis, 1992, pp. 91–114.
17. Bruss E. *Autobiographical Acts*. Baltimore. L., 1976.
18. Bruss, Elizabeth W.: *Autobiographical Acts: The Changing Situation of a Literary Genre*. Baltimor; London, 1976, pp. 10–11.
19. Dilthey W. *Pattern and Meaning in History*. *Rickman H. P. (ed.) W. Dilthey's Thoughts on History and Society*. N. Y., 1960.
20. Eakin, P. J. *How Our Lives Become Stories: Making Selves*. Ithaca, N. Y., 1999.
21. Foucault M. *The Order of Things. An Archaeology of the Human Sciences*. L., 1970.
22. Gusdorf G. *Conditions and Limits of Autobiography (1956)*. Translated by James Olney. *Olney J. (ed.) Autobiography: Essays Theoretical and Critical*, Princeton, 1980. P. 29–31.
23. Gusdorf G. *Conditions et limites de l'autobiographie. Auto-bio-graphie*, Paris, Odile Jacob., 1991.
24. Gusdorf G. *Lignes de vie I: les Ventures du mot*. Paris: Editions Odile Jacob 1991.
25. Hart Fr. R. *Notes for an Anatomy of Modern Autobiography*. *New Literary History*, 1970, vol. 1 (Spring), pp. 486–511.
26. Hoffman E. *Kindheitsrinnerungen als Quelle paedagogischer Kinderkunde*. Heidelberg, 1960.
27. Howarth W. L. *Some Principles of Autobiography*. *New Literary History*, 1974, vol. 5, pp. 363–381.
28. Hubatsch W. *Deutsche Memoiren 1945–1955*. B., 1956.
29. Kelly C. *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford, 2001.
30. Kleiber T. *Die deutsche Selbstbiographie*. Stuugart, 1921.
31. Lejeune P. *L'autobiographic en France*. P., 1971.
32. Lejeune P. *L'Autobiographie en France*. Paris, 1971.
33. Lejeune P. *Le pacte autobiographique*. P., 1975.
34. Lejeune Ph. *Genèse du "Je"*. *Manuscrits et autobiographie*. P., 2000.

35. Lejeune Ph. Je est une autre: autre: l'autobiographie de la littérature aux médias. Paris: Editions du Seuil, 1980.
36. Lejeune Ph. L'autobiographie en France. P., 1998.
37. Mason M. G. The Other Voice: Autobiographies of Women Writers. *Olney J. (ed.) Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton (New Jersey), 1980, pp. 207–236.
38. May G. Autobiography and the Eighteenth Century. *Martz L. L., Williams A. (eds.) The Author in His Work: Essays on a Problem in Criticism*. New Haven-Yale, 1978, pp. 319–335.
39. May G. L'autobiographie. P., 1979.
40. Misch G. History of Autobiography in Antiquity. N. Y., 1946. (1 ed. – Leipzig und Berlin. 1907).
41. Olney J. (ed.) Autobiography: Essays Theoretical and Critical. Princeton (New Jersey), 1980.
42. Pascal R. Design and Truth in Autobiography. NY; L., 1985.
43. Pratt S. Angels in the Stalinist House: Nadezhda Madelstam, Lidia Chukovskaia, Lidia Ginzburg, and Russian Women's Autobiography. *Balina M. (ed.) Rethinking Russian Autobiography A/b: Auto/Biography Studies*, vol. 11(2), 1996, pp. 68–87.
44. Shapiro S. A. The Dark Continent of Literature: Autobiography. *Comparative Literature Studies*, 1968, vol. 5, pp. 421–454.
45. Smith A. Poetics of Women's Autobiography: Marginality and the Fictions of Self-Representation. Bloomington (Ind.), 1987.
46. Smitn S., Watson J. 52 Genres of Life Narrative. *Smitn S., Watson J. (ed.) Reading autobiography. A Guide for Interpreting Life Narratives*, Minneapolis-L., 2001, pp. 183–209.
47. Spengemann W. The Forms of Autobiography. New Haven, 1980.
48. Sprinker M. Fictions of the Self: The End of Autobiography. *Olney J. (ed.) Autobiography*.
49. Starobinski J. The Style of Autobiography. Princeton University Press, 1980.
50. Starobinski J. The Style of Autobiography. *Chatman S. (Ed.) Literary Style: A Symposium*. N. Y.; Oxford, 1971.
51. Sturrock J. The New Model Autobiographer. *New Literary History*. 1977. vol. 9 (Autumn), pp. 51–63.
52. Uhlig K. Die Autobiographie als erziehungswissenschaftliche Quelle. Hamburg, 1936.
53. Weintraub K. J. The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography. Chicago, 1978.
54. Wong S.-L. C. Immigrant Autobiography: Some Questions of Definition and Approach. *Eakin P. (ed.) American Autobiography: Retrospect and Prospect*. Madison, 1992, pp. 142–70.

Submitted 24.09.2018; revised 10.10.2018.

The author has read and approved the final manuscript.

About the author

Nataliya L. Pushkareva

Dr. Sci. (History), Full Professor, Head of the Centre for Ethnic and Gender Research, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, pushkarev@mail.ru